

6+

Николай В. Нелидов

Сказки старого леса

Николай Нелидов
Сказки старого леса

«Издательские решения»

Нелидов Н. В.

Сказки старого леса / Н. В. Нелидов — «Издательские решения»,

Глубоко в сердце древнего, непроходимого леса, где корни деревьев помнят былинных великанов, а воздух звенит от магии, кипит своя особая жизнь. Каждый из десяти рассказов этого цикла — отдельное приключение и важный урок. Сказки Старого Леса» Николая Нелидова — это волшебный мир, где чудеса сплетаются с реальными законами природы. Это книга расскажет вашему ребенку о самом главном: о доброте, ответственности и о том, что всё в этом мире связано невидимыми, но прочными нитями.

© Нелидов Н. В.

© Издательские решения

Содержание

Авторское предисловие	6
Сказка первая	7
Сказка вторая	10
Сказка третья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сказки старого леса

Николай В. Нелидов

Иллюстратор Николай Владимирович Нелидов

© Николай В. Нелидов, 2026

© Николай Владимирович Нелидов, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-1509-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторское предисловие

Дорогой друг, юный читатель и мой будущий товарищ по лесу!

Перед тобой — не просто книга. Это целый мир. Мир, который я вынашивал и строил в своём воображении очень долго. Почему? Потому что я, как и ты, когда-то был маленьким и зачарованно листал страницы удивительных книг о живой природе. В частности, это были книги Виталия Бианки. Они были для меня не просто историями о зверятах — они были волшебными окошками в огромную, живую, дышащую тайной Вселенную под названием Лес.

Бианки научил меня не просто смотреть, а видеть. Видеть, как травинка борется за свет, как муравей несёт свою ношу, как всё в природе связано невидимыми нитями. Его герои были настоящими, а их приключения — честными.

И тогда во мне родилась мечта. Мечта не просто пересказать его сказки, а создать свой лес. Посадить свои деревья, выкопать свои ручьи и поселить в чащах своих героев. Пусть они тоже будут настоящими — со своими ошибками, страхами, смелостью и добротой. Пусть в их историях будут не только открытия, но и важные, иногда трудные уроки. Уроки о том, что жадность делает тебя одиноким, а доброта возвращается сторицей. Что храбрость — это не когда не боишься, а когда делаешь что-то нужное, даже если страшно. Что семья и друзья — это самая надёжная крепость.

Так появился Старый Лес. В нём, как и в настоящем лесу, соседствуют привычное и волшебное. Здесь белка Стрелка может советоваться с древним Духом Корнедубом, а ёжик Пыхтелка — дружить с ночным духом. И в этом нет противоречия. Ведь самое большое чудо — это сама жизнь, её хрупкий баланс и мудрые законы, которые понятны и муравью, и великану.

Я не копировал великого мастера. Я взял у него самое главное — любовь и уважение к этому миру, его зоркий взгляд натуралиста и тёплую интонацию доброго рассказчика. И посадил всё это на почву своих мыслей, своих переживаний и своих надежд. Надежд на то, что ты, прочитав эти истории, тоже полюбишь этот шумящий, шелестящий, поющий мир. Захочешь беречь его. И, может быть, однажды создашь в своём воображении свой собственный, неповторимый лес.

Открывай же страницу. Сделай первый шаг по мягкому мху. Прислушайся — где-то уже стрекочет сверчок Штрих, шуршит в норе крот Норка и шелестят листьями на ветру старые и мудрые деревья.

Твой проводник и создатель этого мира, Николай В. Нелидов

Сказка первая

Как Пыхтелка жадничать перестал

В самом сердце Старого Леса, где сосны-великаны шептались с клёнами, а воздух пах хвоей и тёплой землёй, жил ёжик по имени Пыхтелка. Имя ему досталось не зря: передвигался он быстро, но с частым деловым пыхтением — пых-пых-пых — будто маленький паровозик.

Была у Пыхтелки одна страсть, кроме тихих вечерних прогулок: сделать запас. Не просто запас, а самый большой, самый надёжный во всём лесу. Он собирал всё, что беспорядочно лежало и хорошо пахло: сухие грибочки, упавшие орехи, сладкие ягоды.

Как-то раз в конце лета, когда воздух стал густым и медовым, отправился Пыхтелка на разведку. Ветерок донёс до него дивный, пьянящий аромат. Сладкий, чуть кисловатый, очень вкусный. Пыхтелка замер, носик задрожал.

— Яблоко! — определил он и бросился на запах.

Он пробежал мимо муравьиной кучи, перепрыгнул через уснувшего ужа и выбежал на солнечную опушку. И обомлел.

Посреди полянки стояла одинокая дикая яблоня. Невысокая, кривоватая, но вся — от макушки до нижних веток — усыпанная румяными яблоками! Они горели, как фонарики, на ярком солнце. Некоторые уже лежали в траве, и от них-то и шёл тот самый волшебный аромат.

Пыхтелка от восторга даже подпрыгнул. Никогда в жизни он не видел такого богатства!

— Всё моё! — выдохнул он, и чёрные глазки-бусинки загорелись решительным огнём. — Всё! Каждое яблочко! Сделаю такой запас, что хватит на три зимы! Никто не должен узнать.

Первым делом он попробовал упавшее яблоко. Сок брызнул сладкими брызгами. Вкусно! Теперь надо действовать быстро.

Настоящая работа для ёжика — это наколоть припасы на иголки. Пыхтелка подкатился к первому яблоку, пыхтя, поддел его и ловким движением спины взметнул вверх. Яблоко прочно засело среди иголок. Второе, третье... Он становился похож на колючий шарик с нарядными красными бусами.

Но яблок на дереве было много! И все такие соблазнительные. Пыхтелка работал не покладая лап. Забыл он и о полуденном отдыхе в прохладной норке, и о глотке воды из ручья. Трудился. Наколот уже десяток яблок, а казалось, что яблоня и не пустеет. Он был весь в соку, к иголкам прилипли листики и травинки. Одно яблоко сорвалось и упало ему на лапку — больно! Но Пыхтелка лишь фыркнул и продолжил.

И вот тут мимо опушки, торопливо перебегая от кочки к кочке, промчалась семья мышат. Мама-мышь и пятеро ее маленьких детишек, сереньких, с дрожащими усами. Они бежали к дальнему полю, но учуяв яблочный дух, остановились.

— Мама, пахнет! — запищали мышата. — Кушать хочется!

Мама-мышь осторожно выглянула из травы. Увидела ёжика-великана, увешанного яблоками, и робко пискнула:

— Здравствуй, Пыхтелка. Прости, что отвлекаем. Не мог бы ты поделиться одним упавшим яблочком? Детки устали с дороги, очень хочется пить и кушать.

Пыхтелка аж подпрыгнул от неожиданности. Он повернулся к ним боком, выставив вперёд все свои колючки с яблоками, и сердито фыркнул:

— Идите прочь! Это моя яблоня! Мои яблоки! Я их первый нашёл и наколот! Ищите свою еду.

— Но их так много... — тихо пропищала мама-мышь.

— Их так мало! — отрезал Пыхтелка и демонстративно наколот ещё одно яблоко, самое большое, с ветки.

Мышата жалобно запищали. Мама-мышь грустно вздохнула, обняла детей и потянула их за собой, прочь с опушки.

А Пыхтелка продолжил работу. Он наколол так много яблок, что с трудом мог двигаться. Иголки оттягивались под тяжестью. Он был похож не на ёжика, а на странный колючий стог с яблоками. Солнце начало клониться к закату, когда Пыхтелка решил, что на сегодня хватит. Надо отнести добычу домой.

И тут начались его настоящие трудности. С таким грузом он не мог ни быстро бежать, ни защититься. Каждое движение давалось с трудом. Он попытался пролезть под своим любимым корнем — застрял. Попробовал свернуться клубочком — яблоки мешали, упирались в бока.

К тому же, он устал и проголодался. Запах спелых яблок, который раньше радовал, теперь стоял вокруг него тяжёлым, приторным облаком. От него слегка кружилась голова.

И тут Пыхтелка сделал ужасное открытие. Те яблоки, что он наколол самыми первыми, уже изменились. Их блестящая кожица сморщилась. В одном, там, где была мушка-дрозофила, появилось крошечное тёмное пятнышко. Фрукты начали портиться. Они были слишком спелыми, чтобы долго храниться на солнце и воздухе.

Паника защекотала в груди у Пыхтелки. Он сидел посреди своей «крепости» из яблок — неуклюжий, беспомощный и очень несчастный. Вокруг сгущались сумерки. А он даже не мог добраться до своей безопасной норки.

Вдруг сверху, с ветки клёна, послышался весёлый, звонкий голос:

— Ой-ой-ой! Кто это у нас такой нарядный? Новогодняя ёлка в августе?

На ветку прыгнула белочка Стрелка. Она держала в лапках аккуратный грибок-подосиновик, который собиралась сушить на зиму.

— Не смейся, Стрелка, — хмуро пробурчал Пыхтелка. — У меня беда.

— Беда... вижу, — кивнула белочка, присев поудобнее. — Иголки твои для защиты, а не для жадности. Зачем тебе столько? Ты же одно яблоко в день съедаешь.

— Я... я хотел запастись, — смущённо прошептал Пыхтелка. — Чтобы надолго хватило.

— Ага, запастись, — Стрелка махнула пушистым хвостом. — А мышат голодных прогнал. Знаешь, они к дальнему полю шли, потому что тут, в нашем лесу, люди ягодник весь вытоптали. Еды им мало. Одно яблочко для них — пир на весь день.

Пыхтелке стало очень стыдно. Он вспомнил испуганных мышат и грустные глаза их мамы.

— Они теперь... далеко? — спросил он виновато.

— Нет, — сказала Стрелка. — Видела, они под старым дубом пристроились, но там пусто.

Пыхтелка помолчал. Потом сделал огромное усилие и стряхнул с иголок несколько самых красивых, ещё не тронутых порчей яблок.

— Возьми... отнеси им, — пробормотал он. — Только... только скажи, что это... что это я прощения прошу.

Глазки Стрелки заискрились добрым огоньком.

— Вот это другое дело! — весело сказала она. — Но сам отнеси. А с этим грузом мы тебе поможем.

Стрелка ловко прыгнула вниз. Она не стала трогать яблоки на иголках, а помогла Пыхтелке высвободиться из «плена», откатив самые мешающие плоды. Когда он наконец смог двигаться, чувство было таким облегчающим, будто сбросил каменную гору!

Они вдвоем потащили яблоки к старому дубу. Мышиная семья, увидев их, сначала испугалась. Но когда мама-мышь поняла, что им несут угощение, её глазки наполнились благодарностью.

Пока мышата с радостным пиром уплетали сладкие яблоки, Пыхтелка и Стрелка сидели рядом.

— Знаешь, — сказала мудрая белочка, грызя семечку, — у каждого в лесу свой способ запастись. Мы, белки, сушим грибы и орехи — они долго не портятся. Медведь жир копит. Ты, ёжик, тоже жирок к зиме нагуливаешь, и потому плохосохраняющиеся яблоки копить не должен. Спелое яблоко — еда на сейчас. Его либо съешь, либо поделишься. А то сгниёт, и только мушка обрадуется.

Пыхтелка смотрел, как мышата делят последнее яблочко, как мама отдаёт им самые сочные кусочки, и на душе у него стало светло и тепло. Это чувство было гораздо приятнее, чем когда он первый раз увидел яблоню.

— А что же делать с остальными? — спросил он, кивая на оставшуюся кучку.

— Самые крепкие отнесём в твою кладовую, съедим за неделю, — решила Стрелка. — А те, что помягче, оставим тут для лесных жителей. Придут зайцы, приползут улитки, сойдутся муравьи — все будут сыты. И все будут знать, что Пыхтелка — не колючий жадина, а хороший сосед.

Так и сделали. А на прощанье мама-мышь подарила Пыхтелке горсть ароматных лесных зёрен. «Для разнообразия в запасах», — сказала она.

Шёл Пыхтелка домой с одним-единственным яблоком на иголках, но шёл легко и бодро. Он понял главную лесную мудрость: самый крепкий запас — это не гора припасов в норе, а добрые слова и помощь друзей. Ведь в долгую холодную зиму именно они согревают лучше любой еды.

А на опушке, под доброй яблоней, ещё долго стоял сладкий запах щедрости, который разносил по всему лесу тёплый ночной ветер.

Для обсуждения с ребёнком:

1. Почему яблоки, которые наколот Пыхтелка, начали портиться? (Они были спелые, их кожица повредилась, началось брожение).
2. Как правильно делать запасы разным животным? (Белка — сушит, ёжик — нагуливает жир перед зимней спячкой, мыши — собирают зёрна в норки).
3. Что почувствовал Пыхтелка, когда поделился? Было ли это чувство похоже на то, когда он всё забирал себе?

Сказка вторая

Тайна пропавшего Росыма

В Старом Лесу было одно волшебное место — Зачарованная Поляна. Она лежала в ложбинке меж семи холмов, куда по утрам первые лучи солнца стекались, как золотистый мёд. Трава здесь была изумрудной и мягкой, будто плюшевой, а воздух дрожал от тысяч запахов: цветов, нагретой земли и чего-то сладкого, благоухающего.

Хранительницей поляны была фея Листовичка. Она была маленькой, ростом с лесную фиалку, и одеяние её было сплетено из прожилок листьев, лепестков и паутинок, серебрищихся от росы. Главным сокровищем Листовички были необычные цветы — Росымы. Они распускались только в полнолуние и были похожи на хрустальные колокольчики из тончайшего льда. Но это был живой лёд, внутри которого каждое утро собиралась чистейшая роса — «слёзы неба», как называла их фея. Эта роса обладала волшебной силой: залечивала ранки на коре деревьев, придавала сил слабым росткам, а феи использовали её для своих добрых заклинаний.

Каждое утро Листовичка облетала поляну на своей стрекозе Звонке и собирала драгоценную влагу серебряной ложечкой из раковины. И вот однажды случилось несчастье.

Подлетая к западному краю поляны, фея ахнула. Там, где вчера звенели хрустальным звоном пять молодых Росымов, теперь лежала мягкая, притоптанная земля. Стебли были сломяны, а нежные цветки превратились в жалкие, прозрачные чешуйки, таявшие на солнце.

— Кто посмел?! — прошептала Листовичка, и в её зелёных глазах заблестели самые настоящие слёзы.

Весть о беде облетела лес быстрее ветра. Ручей-Языкач, болтая с каждым камушком, пронес её под корнями ив. Муравьи на своих тропах засуетились, передавая тревожную новость. Вскоре на поляну, тяжело переставляя корневидные ноги, пришёл старый Дух Корнедуб. Он был древним духом ясеня, его борода из мха и лишайника, а глаза, глубокие, как лесные омуты, смотрели на мир таинственно и мудро.

— Испорчено, — промолвил он низким, дребезжащим голосом, тронув обломок стебля толстым пальцем. — Не сорвано, не съедено... Растоптано. Сильно и не глядя под ноги.

И тут все вспомнили про зайчонка Ушастика. Весёлый, непоседливый, он вечно носился по лесу, путая все тропы. То в крапиву влетит, то гнездо шмелиное заденет. «Ушастик! — решительно сказали все. — Это он!»

Зайчонка нашли у ручья. Он пил воду, но пил как-то нервно, всё оглядываясь. Его длинные уши были прижаты к спине, а шерстка взъерошена.

— Ушастик! — строго позвала его Листовичка, опустившись на гриб-боровик перед ним. — Это ты вытоптал мои Росымы?

Ушастик подпрыгнул от неожиданности.

— Я? Нет! Я не... я не видел никаких цветов! — запищал он, и глазки его округлились от страха.

— Но ты же вечно скачешь где попало! — застрекотала с ветки белочка Стрелка. — Помнишь, в мае гнездо жаворонка чуть не раздавил?

— Я не хотел! — чуть не плача, сказал Ушастик. — Я... я вчера тут бежал... Да, бежал! Но я не топтал!

Он выглядел таким испуганным и несчастным, что даже сердитый ёжик Пыхтелка, пришедший посмотреть на происшествие, фыркнул не так громко.

Старый Дух Корнедуб внимательно смотрел на зайчонка. Он смотрел не на него, а сквозь него, будто видел самый след его вчерашнего пути.

— Почему бежал, Зайчишка? Не прогулкой, а бегом отчаяния? — спросил Дух тихо.

Ушастик дрогнул. Он опустил голову и прошептал:

— Ястреба... Ястреба увидел. Тень скользнула... Я испугался сильно. Бросился, куда глаза глядят. Только под ноги не смотрю, только бы в кусты, в спасительную чащу...

Тишина повисла над поляной. Все поняли. Страх — плохой советчик. Он делает нас слепыми и неосторожными.

— Покажи, — просто сказал Корнедуб.

И Ушастик, волоча лапки, повёл всех к месту, откуда начался его вчерашний ужасный путь. Следы были ещё видны на влажной земле: длинные прыжки, резкие повороты. И вот они подошли к краю поляны, к тому самому месту. След заячьих лапок вёл прямо через то место, где росли Росымы. Было видно, как он, отталкиваясь задними лапами, пролетел над одним цветком, но угодил прямо в середину другого кустика, сминая всё вокруг.

— Я не видел их... — повторил Ушастик безнадежно. — Они же маленькие, в траве... А ястребиный коготь у меня перед глазами стоял...

Листовичка больше не сердилась. Ей стало жаль зайчонка. Но и Росымы были жаль.

— Не со зла, но вред нанёс большой, — произнёс Корнедуб. Он опустился на колени (они у него скрипели, как старые сучья) и стал внимательно разглядывать примятую землю. — Неосторожность — сестра беды. В лесу всё связано. Твой страх перед ястребом обернулся гибелью для тех, кто никого не боится, но не может убежать.

— Что же теперь делать? — спросила фея. — Росымы растут долго, из семечка-звёздочки. Лето на исходе, новые не успеют набрать силу до холодов.

— Восстанавливать, — отчеканил Дух. — И учиться. Учиться ходить.

Все удивились. Ходить-то Ушастик умел!

— Не просто ходить, — пояснил дуб. — Ходить, видя. Лес — не пустое пространство. В нём есть свои дороги и свои дома. Тропа — вот она, в двух прыжках. Звериная тропа. Она петляет, но она безопасна. По ней не споткнёшься о корень, не упадёшь в яму и... не раздавишь цветок. Она проложена тысячами лап и копыт. Они знают, где твёрже земля, где нет муравейника и где спят полевые мыши. Экологическая тропа, можно сказать.

Он повёл Ушастика вдоль края поляны, показывая ему эту самую тропу — узенькую, утоптанную, почти невидимую в высокой траве, но крепкую и надёжную.

— Если бы ты бежал здесь, ястреб бы тебя, возможно, и увидел, но ты не причинил бы вреда поляне. А твой страх был бы не больше, чем нужно для быстрого бега.

Потом все принялись за работу. Как растения восстанавливаются? Корнедуб показал Ушастике, что два самых маленьких Росыма были не сломаны, а лишь пригнуты к земле. Их можно было аккуратно подвязать к тростинкам-подпоркам. Семена-звёздочки из уцелевших цветков Листовичка бережно собрала, чтобы посеять их в укромном месте. А на проплешине, где цветы погибли безвозвратно, решили посадить новое.

Но не просто воткнуть в землю! Дух научил их важному правилу: брать надо там, где много. На опушке, у заброшенной норы, они нашли целую семейку молодых душистых колокольчиков (не волшебных, но тоже прекрасных). Их было так много, что пять кустиков, выкопанных с большим комом земли, почти не были заметны.

— Видишь, — сказал Корнедуб Ушастике, который держал в лапках маленькую лопатку из бересты, — если брать с умом, по одному растению с большой поляны, природа не оскудеет. Она щедра. Но если топтать или рвать без счёта — останется голая, больная земля.

Работали все вместе. Листовичка указывала, где лучше разместить новые цветы, чтобы им хватало света. Ушастик, стараясь не дышать, копал аккуратные ямки. Пыхтелка помогал носить воду в скорлупке от лесного ореха. А Корнедуб своим древним шёпотом подбадривал новые растения, чтобы они не болели на новом месте.

Когда работа была закончена, Зачарованная Поляна снова стала прекрасной. А от края её, там, где начинался частый кустарник, теперь вела новая, хорошо заметная тропинка, огоро-

женная с двух сторон воткнутыми прутиками. Над ней на паутинке висела табличка из кусочка бересты, на которой Листовичка вывела серебряной росой: «Тропа Ушастика. Беги тут, если страшно. Сохрани красоту рядом».

Ушастик встал на эту тропинку и сделал несколько пробных прыжков. Она вела удобно, огибая все кочки и цветочные полянки, прямо к его любимой ивовой заросли у ручья.

— Спасибо, — сказал он тихо, обращаясь ко всем и особенно к старому Духу. — Теперь я буду видеть. И бегать — только здесь.

С тех пор зайчонок Ушастик стал самым аккуратным бегуном в лесу. А если ему начинали мерещиться в небе ястребиные тени, он не метался в панике, а чётко и быстро стремглав летел по своей безопасной тропе, зная, что под его лапками не пострадает ни один стебелёк. Потому что он научился главному: беречь — значит не только не ломать, но и заранее думать о том, куда ставишь свою лапу.

И поляна, восстановленная и защищённая, на следующее полнолуние расцвела Росы-мами такой ослепительной красоты, что их хрустальный звон был слышен даже на дальних окраинах Старого Леса.

Для обсуждения с ребёнком:

1. Почему тропинки в лесу называются «экологическими»? (Они помогают нам не вредить природе, пока мы по ней гуляем).

2. Как можно помочь растению, если оно сломалось? (Подвязать, подпереть, иногда — пересадить на новое место с комом земли).

3. Почему даже если не хотел, получилось навредить? (Потому что в панике или спешке мы перестаём быть внимательными. Спокойствие и внимательность — лучшие защитники природы).

Сказка третья

Храбрая песня маленького Сверчка

В Старом Лесу, как и везде, жили свои певцы. Днём над полянами заливались зяблики и дрозды, а в сумерках, у ручья, заводила свою серебряную трель соловей. Но была в лесу и ещё одна песня. Особая. Не мелодичная, а звонкая, ритмичная, будто кто-то отбивал дробь маленькими стальными молоточками: «Три-три-три-трии!...» Это пел сверчок.

За каменной глыбой, поросшей бархатным мхом, в уютной щели между корней жил сверчок по имени Штрих. Он был маленьким, тёмно-коричневым, с большими, прозрачными крыльями и тонкими, чуткими усами. Днём Штрих отсиживался в своём убежище, а с наступлением вечера выходил на свой «концертный помост» — плоский, нагретый за день камень. Там он тер одно ребристое надкрылье о другое, и рождалась та самая звонкая, неумолимая песня. Стрекотание сверчка — это его голос, его речь, призыв и радость бытия.

Но была у Штриха одна тайна. Он... боялся. Не темноты как таковой — ночи он ждал, она была его временем. Он боялся Того, Что Шушит в Темноте. Того, Что Летит Беззвучно. Того, Чьи Жёлтые Глаза Горят, Как Угольки. Он боялся хозяина ночного леса — филина Буреглава.

Однажды Штрих, замороженный, видел, как тот огромный, пушистый охотник с лицом мудрого диска бесшумно спикировал с ветки и скрылся в траве. А через мгновение взметнулся вверх, и в его когтях беспомощно билась маленькая тень. С тех пор Штрих знал: ночь полна скрытых ужасов. И с тех пор, едва заслышав вдали низкое, протяжное «Ууу-ху-хууу», он замирал. Его песня обрывалась на полуслове. Он вжимался в щель меж камней, замирал, стараясь не дышать, и сидел так до самого рассвета, когда филин уходил на покой в свою крепость-дупло.

— Ты что, Штрих, простудился? — спрашивали его иногда соседи-насекомые. — Или струны на крыльях порвались? Почему молчишь?

Штрих лишь отмалчивался, стыдясь своего страха.

Однажды ночью случилось необычное. Была глубокая, густая, бархатная ночь. Луна, тонким серпом, давала мало света. Штрих только начал свою вечернюю увертюру, как привычный ужас сковал его. Где-то совсем рядом, на опушке, прозвучало мощное, тревожное: «Ууу-ХУ-ХУУУ!»

Сверчок мгновенно умолк и затаился. Но что это? Вслед за криком послышался незнакомый звук — отчаянный, сильный шум крыльев, хлопанье, треск сухих веток. И затем — тихий, но ясный скрипящий звук, похожий на скрежет. А потом наступила тишина. Такая глубокая, что в ней слышалось только биение собственного маленького сердца Штриха.

Любопытство стало потихоньку пересиливать страх. Что случилось с Буреглавом? Почему он не улетел? Штрих осторожно высунул голову из щели. В сторону опушки тянулся странный запах — не лесной, а чужой, резкий, запах человека и чего-то ещё.

Ночная жизнь леса шла своим чередом. Штрих видел, как над поляной, бесшумно порхая, охотилась летучая мышь-непопёр. Её полёт был похож на причудливый танец — она ловила насекомых, которых не видела, но слышала своими большими ушами. Под камнем, пытая, прошёл ёжик Пыхтелка, вынюхивая слизней и жуков. Все были заняты своим делом. И только филин, гроза ночи, не подавал голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.